

Владимир Пронский

# УЕЗЖАЙ И ВОЗВРАЩАЙСЯ

*Повесть*

*Памяти мамы*

## ОСЕННИЙ МОТИВ



*Владимир Дмитриевич Пронский родился в 1949 году в городе Пронске Рязанской области. Работал токарем, водителем, корреспондентом, редактором региональных СМИ. Публиковался в журналах «Подъём», «Наш современник», «Молодая гвардия», «Москва», «Север», «Странник», «Берега» и др., в литературных изданиях, коллективных сборниках, альманахах ближнего и дальнего зарубежья. Автор многих романов, повестей и рассказов. Лауреат премии имени А.С. Пушкина, Международной литературной премии им. А. Платонова, премий нескольких литературных журналов. Секретарь Союза писателей России. Живет в Москве.*

**В** конце сентября 1987 года с переговорного пункта в Пронске неожиданно позвонила мама, Надежда Васильевна. Если позвонила, значит, что-то случилось. Выслушав ее, понял, что она просила приехать постеречь стадо, так как подходит очередь, а отчим или «дед», как она называла его, слег. Отказать я не мог.

На следующий день оказался в родной деревне Княжой и сопровождал на машине, возившей доярок, отчима в больницу, так как прошел дождь и на «жигуленке» было не выбраться из наших оврагов. Наутро подрядился пасти деревенское стадо. Стерег его редко, и в этом виделась особенная, чуть ли не праздничная обязанность. Всегда любил в начале листопада выходить со стадом за околицу, когда рябины на опушке леса и кусты калины в лощинах стояли цветасто разукрашенные, словно ярмарочные девахи, продающие наливную антоновку. Созревшие пурпурные ягоды привлекали дроздов, перелетающих с куста на куст трескучими стаями. Особенно приятно наблюдать за ними в погожий день, ког-

да невесомый полет паутин, неспешно уплывавших в голубую дымку, создавал неповторимо радостное настроение, подчеркнутое легкой печалью увядания. В такие дни можно бесконечно любоваться красочным пейзажем, когда не только природа, но и разномастное стадо буренок добавляло ярких мазков в палитру нарядной осени.

Но в этот раз любование прервалось, словно заслонило тучей, когда в Шамятинской лощине появился Михаил Иванович — товарищ отчима. Внешне неуклюжий, он шел ходко, выбрасывая вперед бадик, и, остановившись, поторопил:

— Вовка, собирайся! Друг мой скончался... Я побуду со стадом, а тебе мать велела вернуться.

Известие ошарашило лишь на минуту, потому что отчим в последние дни еле ходил, очень исхудал, и видно было, что смертельно болен. Прожил он с мамой 17 лет: плохо ли, хорошо ли — теперь уж все равно.

Тем же вечером, добравшись до телеграфа в Пронске, позвонил в Москву тете и младшему брату — попросил его привезти продуктов для поминок, дал телеграмму старшему Александру в Милославский район. Того ни о чем не просил, зная его вечно безденежье и беспашанность. Сам приедет — и то хорошо.

Началась обычная суета, ставшая вполне привычной в последние годы — родственники уходили один за другим, и не было ничего страшнее привыкнуть к этой траурной круговерти. Но, видно, пришла такая печальная полоса, и ничего не оставалось, как терпеть.

Похоронив и помянув отчима, родственники разъехались, а старший брат оставался, пока была выпивка. Мы с младшим помогали по хозяйству несколько дней после его отъезда, а главное, решили отвести телушку в «Заготконтору»; там же по объявлению нашли покупателя на корову, считая, что маме не хватит сил заниматься серьезной скотиной. Оставили разной птицы десятка четыре, хрюшку да пару овец. Овцы — вопрос спорный, но решили пока подержать, если имелось заготовленное на корову сено. С поросенком же рано разделяться — надо ждать морозов.

Вскоре и младший брат, набрав гостинцев, собрался в Москву. Довез его до автостанции, и он уехал, чтобы отправиться на очередную вахту в Ямбург, где работал экскаваторщиком на газовом промысле. А я остался с мамой. Пожил несколько дней, занимаясь мелкой работой, но пришло время и моего отъезда. Собирался со стыдливым чувством, не представляя, когда вновь приеду. Мама будет ждать меня, как никого из сыновей, ведь она знала, что теперь буду иметь уйму времени, если недавно стал «свободным художником», хотя не понимала до конца, что означало это выражение.

Вытекало оно из знаменательного события: летом я подписал с издательством договор, охранявший на три года от статуса тунеядца, и в скором времени должна была выйти из печати моя первая книга: повесть и рассказы — итог многолетней работы. Теперь надо лишь грамотно использовать свободное время и преодолеть одолевавшие заботы. Как решить их, я пока не знал, но надеялся, что непременно справлюсь с ними, хотя это будет нелегко. Во-первых, надо прокормиться, ведь гонорара за книгу надолго не хватит; во-вторых, не оставлять без внимания маму; в-третьих, найти согласие с подругой. Получалось, что сочинительство отодвигалось в конец плана, а хотелось, чтобы он начал исполняться именно с этого пункта. Тогда и остальные будут решаться без лишних проблем, по мере поступления.

И все бы ничего, но мама впервые оставалась одна. Даже в войну была со свекровью и свекром, с детьми, а теперь полное горькое одиночество: тремя месяцами ранее она похоронила дочь. А что значит для матери потеря ребенка, я вполне представлял, имея сына-подростка. Поэтому и чувствовал себя неким предателем по отношению к ней. Единственное, чем мог обрадовать ее и себя, так это тем, что знал: не пройдет и месяца, вновь приеду. Теперь я вольный человек, хотя бы в этом.

Перед отъездом набрал картошки, зарубил двух уток, мама ощипала их и опалила в печке, разделала и набила нутро крапивой, чтобы не испортились; хотя наступил октябрь, но дни выдались теплыми, правда, и ехать-то до столицы всего четыре часа. Приготовив гостинцы, выгнал «жигули» из гаража — подтвердил неминуемый отъезд — и увидел, как мама изменилась в лице.

Сколько себя помнил, момент расставания всегда горек. Но если совсем недавно знал, что, уезжая, не оставлял маму одну, то теперь все изменилось, и мои обещания в момент отъезда выглядели весьма туманными. Тем не менее, обняв ее на прощание, пообещал вернуться к сороковому дню кончины отчима. Впереди ждало общение с сыном, встреча с Леной, да и кое-кого из товарищей хотелось увидеть. Ну и, конечно, надо поработать над романом, ибо близилось его завершение, а это особенно заставляло сосредоточиться. Поэтому сказал маме строго, но обнадеживающе:

— Ну что переживаешь?! Знаешь же, что теперь часто буду ездить, еще надоем!

— Не говори так! Разве может сын надоесть матери! — вздохнула она и уткнулась мне в плечо, завсхлипывала.

Растерявшись, я молчал, не зная, как поступить, но в какой-то момент будто током ударило: «Что же у меня, совести совсем, что ли, не осталось?! Как могу бросить ее?!» Посмотрел маме в глаза и решительно сказал:

— Поездка откладывается! — А она еще сильнее заплакала.

Повинуясь неожиданному решению, выгрузил из машины картошку, уток, пишущую машинку, которой не успел воспользоваться в этот хлопотный приезд, не первый год работая над романом.

## ВГЛУБЬ ПАМЯТИ

Мог ли я обижаться на маму? Нет, конечно! Но все-таки некоторая досада скреблась на душе. Поэтому решил прогуляться, чтобы своим присутствием не укорять ее, успокоиться самому и воспринимать все происшедшее как должное, и никак иначе. Сказал ей, не выдавая своих чувств:

— Пойду прогуляюсь, а ты отдохни.

Загнав машину в гараж, отправился на Бутырки, где мы когда-то жили. Именно там, у Барского труда, начиналось мое детство. Так уж получилось, что наша семья обитала на трех улицах Княжой, приютившейся на оврагах, и не из-за прихоти, а так складывались обстоятельства под влиянием папы — Дмитрия Ивановича. Он появился в Пронске после войны, приехал по направлению министерства на должность главного инженера завода, познакомился с мамой, к тому времени вдовой, и вскоре перебрался из казенного жилья к ней, жившей в трех километрах. Много тогда событий протекло, но для меня главным было то, что я родился здесь, в теперь не существовавшем домике. Первые же шаги сде-

лал уже в Вильнюсе. После войны Прибалтику усиленно развивали, специалистам всех профессий и должностей хорошо платили. Но папа, отказавшись от постройки собственного дома в Пронске, как это сделал директор завода Ян Скубин, уехал не ради денег, а из-за конфликта с одним из чиновников райкома партии — спасся бегством от реально грозных событий.

Обосновавшись в Вильнюсе, он и нас перевез туда, только старший мамин сын Александр, отец которого погиб на войне, не захотел ехать; его устроили в соседнем Скопине в ФЗУ, и стал он учиться на маляра-штукатур. Так что я оказался в Прибалтике с родителями, братом Борисом и сестрой Клавой. Дмитрий, младший мой брат, родится лишь через пять лет в Подмосковье, куда мы переехали из Вильнюса, прожив там около четырех лет. Причиной переезда стал случай, когда лесные братья повесили на пионерском галстуке русского мальчика. А так как папа очень дорожил мной, своим первенцем, родившимся, когда ему было 53 года, то он все бросил — жилье, хорошую зарплату — и променял на барак в Барыбине, а позже в Белых Столбах — подмосковных станциях Павелецкого направления. Это добровольное понижение статуса не могло не сказаться на всех нас. На новом месте папа работал механиком на небольшом кирпичном заводе. Жили трудно, безденежно, поэтому отправили Бориса в интернат города Орехово-Зуева из-за сильной близорукости, где он получил место в общежитии и выучился на штамповщика, а позже женился, у него родился сын. Но недолго длилась его семейная жизнь. Брат попал в неприятную историю, был осужден, из Сибири в Подмосковье так и не вернулся, а осел в Казахстане. Там и сгинул. Мама многократно подавала на розыск, но всякий раз бесполезно. У Клавдии был свой путь: она окончила политехникум в Рязани и долго моталась по стране. Ее неустроенная жизнь оборвалась в недавнем мае, оставив еще одну занозу в материнском сердце.

Все это я вспоминал, шагая волглой тропинкой к Тюлямину мосту, хотя моста не было, а на его месте лежала присыпанная грунтом бетонная труба. За «мостом» находился небольшой выгон, где на телеграфном столбе висел «пожарный» лемех. За выгоном, перейдя еще один «мост», я попал на Бутырки, и по левую руку начинался порядок, где мы прежде жили. Первой стояла наша изба. Теперь ее место занимала усадьба приезжего животновода, купившего дом в конце пятидесятых. Тогда, намотавшись по стране, отправились на родину папы в Алексин, но там нас выжила его сестра, и через три года мы вновь вернулись в Княжую и уже сами купили домик на Хуторах — одном из деревенских порядков...

И вот я на месте первого места жительства, а через дорогу — Барский пруд, пруд моего детства. Я ступил на плотину и осмотрелся, представляя эту местность в годы войны. Почти все действие романа проходило в несохранившемся домике, но сохранился ландшафт: вдалеке уходил в серое октябрьское небо возвышавшийся на холме лес, называемый Быково, стелился по косогору за прудом Барский сад помещика Васильева, опоясанный двойной липовой аллеей, стояла старая ветла на углу усадьбы. В общем, многое из того, чем я жил в последние годы, теперь перетекло из воспоминаний в действительность, окружившую со всех сторон.

Можно бесконечно стоять и вспоминать, но я прошелся по порядку: хотелось посмотреть на дом тети Кати — маминой сестры, давно умершей, очень помогавшей нам, когда мы с братом осиротели. Зато остался ее муж — Алексей Семенович, ее дочь Надя с мужем Николаем и их двое

сыновей. Начались сумерки, света в доме не было, и я повернул назад, решив заглянуть на Хутора. Пройдя по плотине пруда, поднялся на взгорок и пошел вдоль рва, опоясавшего бывшую барскую усадьбу с растущими на нем ветлами, и оказался у второго нашего княжевского домика. С ним у меня связано окончание школы, призыв в армию — все то, что остается в памяти на всю жизнь, ибо годы юности неповторимы и запоминаются по-особенному. Домик был цел, в нем кто-то жил, но внутрь заходить я не стал, не зная новых жильцов. Да и что скажу им? Мог, конечно, зайти к соседке, двоюродной сестре мамы, но, опять же, не знал, делала ли она и вообще — жива ли? К тому же, насколько помнил, они недолюбливали одна другую, а причины я не знал. В юном возрасте мне было не до этого, да и теперь не особенно волновало; лишь иногда пересекаясь с ее младшим сыном Виктором, мы проявляли взаимное внимание.

С Хуторов, ставшими с присоединением Княжой к Пронску Хуторской улицей, как и Бутырки — Бутырской, а Большой порядок — Большой улицей, я отправился на эту самую улицу, где жила мама теперь. Перебралась она на нее в конце 70-го года, «сойдясь» с человеком Александром Ивановичем, которого мы на днях похоронили. В тот год он ушел от жены, забрав свою долю в виде коровы, мама продала избушку на Хуторах, и совместно они купили за одну тысячу кирпичный дом, несколько лет перестраивали его. До середины 70-х с ними жил мой младший брат, а мы, старшие, разъехались по стране, и помощи от нас почти не было. Жаль, конечно, что не смогли тогда организовать и всерьез поддержать маму и отчима. Мы с младшим братом помогали, когда приезжали в отпуск, но это были эпизоды: фронтон, помню, забивали, погреб копали, сено и дрова заготовливали — и все вспышками, без обдуманного плана.

Возвратившись на Большую улицу, где жила и другая мамина двоюродная сестра Настя, прошел мимо ее дома с темными окнами. Значит, она куда-то затопилась, что для нее являлось обычным делом.

## БАРЫНЯ НАСТЯ

Если бы знал, что на следующий день все круто изменится, то пожалел бы, что накануне не уехал с более или менее спокойной душой, но разве можно что-то предположить заранее, если к этому не имелось никаких предпосылок. С утра я выпиливал в саду старые вишни, а к обеду вернулся — Настя в кухне сидит.

Поздоровался, приобнял двоюродную тетюшку, и она вздохнула, словно извинялась за свое присутствие. А чего извиняться, если я радовался, что мама хоть какое-то время проводит в компании родственницы. К тому же Настя и ранее частенько заходила — перекусить, попить чаю с вареньем или медом и обсудить деревенские новости. Мы к ее визитам привычные. Настя и ее родная сестра Маня — сироты с младенчества и вековухи. Уж не знаю, почему оказались незамужними, а жили неприкаянно: лениво и нерасторопно. Никогда не видел, чтобы они готовили первое. Самая обычная для них еда — «картофель» в мундирах, кучурка соли на столе, хлеб с квасом летом и чаем из чабреца зимой. И раз в неделю варили полведра яиц, чтобы надолго хватало. В летний сезон китаек да терентьевок из сада поедят и вишен со сливами. Когда-то у них была корова, овцы, но теперь сестры обветшали, из живности держали лишь кур и уток. Осенью рубили молодых петушков, а за уток, оставшихся на

вольной кормежке в пруду, принимались лишь с наступлением морозов, когда устанавливался лед и птицы неохотно возвращались к хозяйке, будто зная о своей участи. К этому дню петушки сестрами были поедены, а утки пока колготились на пруду; линявшие и облезлые куры неприкаянно теснились в закутке, притесняя молодок.

Не обремененные заботами, сестры жили весьма праздно — ходили по гостям. Давно всех приучили к этому, делая визиты в церковные праздники и в светские, в дни похорон и поминок; свадьбы случались редко, поэтому они были не в счет. «Мероприятия» шли чередом, а так как деревня немаленькая, то и готовить еду сестрам не было особой необходимости — дня не проходило, чтобы они не оказались у кого-нибудь в гостях; если не было причины — заходили «просто так». Настя и сегодня, видно, пришла «просто так», привычно разместившись на застеленном топчане и заняв широкой частью тулова чуть ли не половину.

— Вот, Вовка, мать твоя позвала! — доложила она, оправдываясь, не переставая жевать.

Поест тетя любила. Все в деревне это знали, а Настя никогда не стеснялась надоедать, не видя в этом ничего зазорного, забывая о неприкаянно слонявшейся сестре Мане. Года три, что ли, назад сосед сколотил Насте топчан в палисаднике, сделал навес, и она с мая и до сентября жила среди кустов сирени и кашки под песни скворцов и возню воробьев, там же и спала. Частенько доярки и старовысоковские бабы, возвращаясь из магазина, заходили к ней, угощали пряниками, недорогими конфетами, без которых она должна бы обходиться, учитывая свою тучность, но не могла отказаться от подношений. Понять ее можно. Страдая от полноты, она была ленива, неповоротлива, потела от каждого шибкого движения. Ходила все лето босая. Иногда ее навещала медсестра, измеряла пульс, давление, уговаривала лечь в больницу на обследование, но разве Настю стронешь с места. «Д-а, в-о-т, — протяжно произносила она слова, — медичка вчераь приходила, в больницу гнала, а че мне там делать? Борзатиной на казенной койке валяться?!» — докладывала она бабам, тяжело составляя из слов предложения, будто из камней-валунов, радуясь уделенному вниманию и усмехаясь над собственным геройством. И в чем-то она была права. Что верно — то верно: княжевские жители почти всегда умирали дома, а не в больнице.

До конца не понимая ситуацию, я поглядывал на маму, пытаюсь догадаться о причине визита Насти, если недавно сестры были на поминках, а Настя и после похорон два или три дня сидела в кухне, как пчелиная матка, принимая угощения. Вот и в этот раз мама достала из печи чугунок со щами из наваристой утки, разлила по двум тарелкам — мне и себе, а Насте в миску. Но прежде, чем приняться за щи, укрытые слоем янтарного жира, тетя попросила, увидев на столе колбасу:

— Колбаски бы надо сперва отведать!

Мама подала тарелку с колбасой, положила кусок хлеба, но от хлеба Настя отказалась:

— Медичка запрещает хлеб трескать! — радуясь своей нескрываемой хитрости, заулыбалась она. — Сахар в организме увеличивается!

И мне подумалось: «А ведь тетка мудра! Знает, как сгладить явное нахальство: надо самой заявить о нем, поместив в красивую и отвлекающую словесную обертку!»

— Да ведь и то правда, — соглашалась, вертясь перед Настей, мама, не по годам стройная и ловкая, почти без седины в волосах, схваченных

сломанной гробенкой. — Редко когда удается нам отведать колбаски, а ведь так ее иногда хочется! — И обняла Настю. — Ешь, милка моя, ешь, моя ненаглядная!

Нельзя сказать, что у мамы с сестрой были уж очень теплые отношения, но они всегда помогали друг другу. Происходило это без взаимного восхваления, а повелось с военного времени, когда у сестер Ворониных зимой 43-го года обвалилась изба-развалюшка и они ютились у соседей. Сестрам помогли лесом. Вот только война шла — ни лошадей лишних в колхозе, чтобы вывезти бревна с делянки, ни плотников дельных — все способные мужики на фронте. И тогда мама подговорила баб на себе перевезти бревна. Уж столько горя натерпелись с ними, но что значит одно небольшое горе по сравнению с теми горями, какие обрушились в нестерпимые военные годы. Той зимой старики срубили сруб, а как снег растаял, избу поставили — спешили до посевных работ управиться, а то потом до осени продыха не будет, если все помыслы о фронте и государственных поставках.

Мы с мамой жвыкали щи, а Настя присупонилась к колбасе и не успокоилась, пока не подчистила тарелку. А подчистив, сообщила:

— Вот теперь можно и щец похлебать! — И мама тотчас услужливо поставила перед ней табуретку с миской, ложку деревянную дала, потому что из металлической щи расплескаются, пока до рта донесешь.

Настя нас совсем не стеснялась, вела себя привычно, но после обеда не ушла, а осталась до ужина.

В сторонке спросил у мамы, что это значит, а она торопливо ответила:

— С Маней поругалась, поживет два-три дня.

Перед ужином я с досады поставил на стол два стаканчика, налил водки Насте и себе, маме не предложил, зная, что она равнодушна к этому зелью. Настя отказываться не стала и залихватски выпила. Утерев рот ладонью, она вздохнула, сказала маме:

— Володька у тебя уважительный, но отсталый! Вот сидит с двумя старухами и старается им угодить. Это разве по-современному?!

От второго стаканчика Настя отказалась, а я под настроение налил себе и, закусив, сидел, слушал разговоры сестер, забыв недавнюю сердитость. И все-то мне было интересно, все-то радостно, словно я загодя начал запасаться новостями, интересуюсь любыми деталями, даже самыми мелкими. Но в какой-то момент почувствовал, что слушать более не хватало сил. Поблагодарив за ужин, перешел в «зал», раскинул диван-кровать и устроился на пахнущей избой подушке. Какое-то время прислушивался к голосам, доносившимся из-за легкой двери, но очень быстро и они оставили меня.

Визит Насти двумя-тремя днями не ограничился. Она то собиралась уходить, то передумывала, и ее «нерешительность», как я понял, могла длиться бесконечно. Да и с сестрой она не ссорилась, как оказалось, если Маня заходила в гости, а Настя распоряжалась, как хозяйка, отдавая «приказание» маме накормить сестру. Лишь через неделю-другую догадался, что Настя и не думала уходить. Да и разве плохо ей жить на всем готовом, а вот я себя чувствовал неуютно от ее неопределенности. Почему сразу-то не сказала? Сказала — я бы уехал, не опасаясь, что мама будет одна. А теперь рад выехать, да слякоть установилась — никак не выбраться на шоссе. Да и смысла нет, если до поминок осталось всего ничего. Единственное, что меня спасало в этой ситуации, — это наличие пишущей машинки. Как знал, что все-таки понадобится, прихватив из Москвы.

## ДА БУДЕТ СВЕТ

Как-то проснулся среди ночи от... темноты, а скорее от черноты. В городе-то ее нет из-за уличного освещения, а тут хоть глаз коли, если даже собственную руку не видно. И сложилось такое ощущение, что я — несомый и бестелесный — лечу в неосязаемом пространстве. Долго лежал, прислушиваясь к залиvistому храпу Насти, доносившемуся из кухни, представляя, каково жить в одном с нею доме. Потом услышал, как скрипнула мамина кровать в спальне, и понял, что она ощупкой пробирается в кухню, цепляясь за перегородку, остерегаясь разбудить меня. Ее забота показалась приятной, но лишней, потому что я давно не спал и сам старался никого не будить. Теперь же переживал за маму, боясь, что она оступится в темноте. Когда же она включила в кухне свет, то не смог более валяться и, одеваясь, уже знал, чем займусь: установлю фонарь на столбе перед домом. «Как можно терпеть такое неудобство, когда есть все возможности! Придут люди на поминки и не будут спотыкаться!» — расуждал я, вспоминая, что видел в чулане фонарь и моток провода.

После завтрака Настя, натрескавшись яичницы и увидев, что мы начали готовиться к поминкам, отправилась к себе, «чтобы не колготиться», словно она действительно колготилась. Ну, что же, ушла так ушла. Когда более или менее рассвело, я разыскал выключатель, подсоединил к нему проводку и, вооружившись пассатижами, полез по лестнице на столб. Подвесив на торчащей арматуре фонарь с вкрученной лампочкой, накинул проводку на провода, закрутил концы, а спустившись с лестницы, щелкнул выключателем, установленным под козырьком веранды. Лампочка вспыхнула, но в свете наступившего дня впечатления не произвела, зато вечером, просеивая муку для завтрашних пирогов, мама так и выглядывала в окно, не устая удивляться:

— Ой, какая светлынь-то! Бабы обзавидуются!

Начав с установки фонаря, я продолжил готовиться к поминкам: расставил столы, принес доски для сидений, проверил масло в лампадке. Зарубил несколько уток. С ними пришлось повозиться, ощипывая в корыте и собирая пух для подушек. Опалив птиц, разделали их и вынесли в чулан на веранде, плотно закрыли дверь от кошек. В этот день завершили предварительные работы. Завтра останется напечь блинов и пирогов, сварить компот. И, конечно, достать из погреба разносолов. В этот раз предстояло обойтись без колбасы, но трехкилограммовая банка тихоокеанской сельди имелась в запасе.

Утром следующего дня неожиданно подморозило, и я рискнул: съездил в Архангельскую слободу, заказал панихиду на помин раба Божьего Александра, купил свечей, оставил денежку на помощь храму, а вернувшись, зажег лампадку на божнице и вплотную занялся подготовкой поминального стола. Пирог к этому часу «дышали» в большой миске под полотенцем, а каравайцы, тоже накрытые, уже дожидались поминальщиков на столе. Вскоре он мало-помалу заполнился тарелками, стаканами. Если перед похоронами отчима нам помогали родственники, то теперь мы с мамой едва успевали поворачиваться. Вскоре помаленьку подходившие соседки начали молиться за упокой души усопшего. Мужчин ожидалось несколько, но пришли лишь двое — Павел Николаевич и Михаил Иванович, оба коммунисты, поэтому им прилюдно молиться не полагалось, и они терпеливо топтались у крыльца, дожидаясь приглашения к столу. Оба они и отчим, Царствие ему Небесное, участвовали в войне. Михаил Ива-



нович вернулся по ранению, Павлу Николаевич повезло — он был бойцом трудового фронта на Урале, из-за дефекта руки не призванный в действующую армию. Отчим, как и Михаил Иванович, воевал, но не был ранен, демобилизовавшись через два года после Победы румяным и упитанным. После войны они сдружились и выручали друг друга, заняв неплохие посты по колхозным меркам: один устроился бригадиром на ферме, второй кладовщиком, а отчим заведовал пасекой. И один без другого никуда, особенно если это касалось выпивок.

Когда женщины помолоделись, я позвал мужчин. В домашнем тепле они сразу раскраснелись. Худой и долговязый Павел Николаев, как старший, произнес короткую поминальную речь о друге и, завершив ее привычной присказкой «ёх твою мах», попросил помянуть Александра Ивановича. Все потянулись к кутье, макнули каравайцы в мед. Спиртное принимать на поминках не положено, но редко где этого церковного правила придерживаются. Поэтому налил водки тем, кто не заслонял ладнюю стаканчики. Сестры Настя и Маня не отказались, как и друзья-приятели. Моей обязанностью было следить за столом. Поначалу вкушали тихо, но мало-помалу оживились, освоились, особенно приятели. Они быстро выпили норму — три стаканчика — и начали собираться явно с сожалением, не решаясь нарушать обычай: не на свадьбу ведь пришли! Поэтому и уходили, со значением поглядывая на меня: «Мол, надо бы добавить!» Давно зная их, вышел с ними на веранду, где было светло от уличного фонаря. В чулане взял бутылку, достал из ведра три огурца, расставил на столе стаканчики.

— Вот это, Володь, правильно, что и себя не забываешь! — похвалил Михаил Иванович. — Артельный ты человек!

Он еще хотел что-то сказать, но глуховатый Пал Николаев остановил: — Потом, ёх твою мах!

Вскоре выпили по второй, осушили бутылку, Михаил Иванович, захмелев, вновь попытался что-то сказать, но его товарищ лишь отмахнулся, благодарно потрепал меня по плечу и отправился домой. Иваныч остался, льстиво улыбался и явно дожидался момента, когда обращу внимание на его улыбку и еще осчастливлю. Ведь у нас с ним давние дружеские отношения по причине его работы, заметной в деревне: хлеб он возит из пекарни, обеспечивая жителей Пушкирской слободы, Княжьей и Старо-Высокой. Поэтому всегда имел возможность распоряжаться казенной лошадкой, а это что-то да значит в сельской местности. В сезон Михаил Иванович нарахвват. Он и меня сколько раз выручал. Как-то доставил до автостанции два мешка сырых овчин, потом, когда появилась машина, в дождливую погоду частенько цеплял ее к телеге. Лошадка старательно тянула повозку и машину, словно знала, что у хозяина в кармане появилась бутылочка «белой» после такой услуги, а если ему будет хорошо, то и ей будет позволено вольготничать на лугу. Все это я всегда учитывал, поэтому был готов налить Иванычу «на ход ноги», но из двери донесся голос мамы, позвавшей меня, и я развел руками, а гость досадливо сморщился:

— Пойду, спасибо и на этом!

Вскоре, следом за «святителями», как их называли в деревне, и старушки по одной, по двое начали расходиться. Позже всех ушла Настя. Когда дом опустел, мы убрались, разобрали столы, перемыли посуду. Попив с мамой чаю, уложил ее спать и вышел на улицу, где почувствовал себя теперешним местным жителем, радостно дышал морозным глублим воздухом, хрустел снегом.

## ОХОТА ПУЩЕ НЕВОЛИ

После поминок появилась возможность сорваться в Москву, но захотелось поохотиться. Мы с братом обычно приезжали на Октябрьскую и носились по пронским полям и перелескам, успевая за день намерить десяток-другой километров. Чаще возвращались пустыми, но бывало — и с зайцами; тогда начинали их свежевать, жарить печенку, ну и, понятное дело, выпивать, тем более что отчим охотно присоединялся к нам. Когда выходные и отгулы заканчивались, мы возвращались в Москву, а Княжюю видели во снах да в воспоминаниях.

В этот раз охотничьего азарта мне хватило лишь на один день, тем более что никого не добыл. Но не расстроился: пишущая машинка не позволяла, и долгими вечерами я корпел над текстом, освободившись от Настинного храпа, а мама не мешала — не имела такой привычки. В какой-то день, когда менялась погода, я даже вызывал «скорую», а потом побывал у врача. Степенная от собственной важности врач не захотела выписывать лекарства, мол, мама давно не проходила смотровой кабинет, но я убедил заботливого медика повременить с этой затеей и «приводом» пожилой женщины на осмотр. Врач поворчала, но сдалась.

— Какой же ты, сынок, молодец, что не отдал меня докторам, как же я не люблю к ним таскаться.

Она радовалась полученным лекарствам, с удовольствием принимала клофелин, готова была выпивать несколько таблеток, но я проверял ее и укорял:

— Нельзя эти принимать помногу!

— Зато сплю хорошо!

— Во-во... Однажды заснешь и не проснешься!

— Ой, упаси Господь! Как же я тогда сынка любимого увижу?

В эти дни было необыкновенно хорошо с мамой, спокойно. Еще радовало, что занимаюсь любимым делом, что все ближе завершение романа, над которым работал каждый вечер до полуночи, чувствуя рядом родную душу. Иногда мама вдруг начинала шумно вздыхать. Думая, что проснулась, подходил к ней и, убедившись, что она спит, успокаивался. Накинув телогрейку, выходил из веранды на крыльцо, смотрел на колыхавшиеся в свете покачивающегося фонаря молодые запыленные ели. Им лет десять, они набирали силу, притягивали и ласкали взгляд искрящейся снежной кисеей, опустившейся на колючие ветви. На душе было тепло и спокойно.

После короткой оттепели вновь подморозило, выпала свежая пороша, и я не удержался — с ружьишком вышел за околицу и направился в бурьяны за фермой; недавние мечты о поездке в Москву подзабылись, и было жаль упускать возможность поохотиться. Идти всего ничего, если у фермы близ стожка недавно привезенной зеленки косые изрядно наследили. Сперва хотел тропить их, но следы перепутались — не разобратся. Понимая, что совсем уж близко от фермы они не лягут, я отправился к тянувшей вдоль лощины березовой лесопосадке и пошел краем ее, по границе с полем. Здесь обычно и поднимались с лежки зайцы, чтобы сразу развить предельную скорость и издали помахать охотнику лапкой. Я шел, держа ружье наготове, и план мой оказался верным. Вскоре из кустов полыни выскочил заяц и, прижав уши, пустился наутек. Выстрел прозвучал вовремя, пришелся по месту, и через минуту косоглазый оказался в рюкзаке. Не желая более испытывать судьбу, повернул к дому и удивил

маму быстрым возвращением. Она явно не ожидала этого, а когда зашел в дом, то увидел в кухне отгороженный простыней угол, корыто на полу, таз на табуретке и ведро горячей воды.

— Вот и молодец, что не стал зря ноги обивать! — похвалила она, думая, что я вернулся пустым.

Когда же я положил у порога зайца, заинтересовав кошку, мама вздохнула:

— Ну и зачем загубил животное? Неужели мы голодные сидим?

Пришлось промолчать, не желая развивать ненужный разговор, ничего не изменивший бы. Приготовился свежевать добычу. Через какое-то время мама, словно чувствуя вину за поспешное замечание, подошла, посмотрела, как я снимаю шкурку, вздохнула:

— Не обижайся, сынок...

Хотя я и не обижался — не тот случай, но насупленность сразу пропала, и я сказал, оправдываясь:

— Теперь уж ничего не изменишь.

— А я собралась мыться... Может, перейдешь в зал и там зайца обработаешь?

«Сегодня же пятница! Женский банный день!» Я вспомнил, что как-то ездил в баню в субботу — мужской день. И сразу спросил:

— Мам, когда в бане-то была последний раз?

— Какая баня? Сам же знаешь, что ее нет у нас.

— А в Пронске?

— Разве я дойду туда!

— А машина на что? Дорога наладилась — должны проскочить. Собирайся!

— Ой, — охнула мама, — воды зря нагрела.

— Ничего не зря — овцам пойло наведем.

## БАННЫЙ ДЕНЬ

Когда разделался с зайцем и вынес тушку на веранду, выгнал машину из гаража, прогрел мотор, а мама, напоив овец, собрала узелок с бельем, мы выехали и вскоре добрались до накатанной дороги. Не успели проехать и ста метров, увидев женщину в черной плюшевой жакетке, мама попросила:

— Останови, сынок! Это старовысоковская Аннушка. Подвезти надо!

Затормозил, посигналил, а мама засуетилась, не зная, как открыть дверь. Тогда я открыл свою, позвал путницу. Она подошла к машине, с опаской заглянула в нее. Я открыл заднюю дверь, и женщина неуклюже уместилась на сиденье. Приглядевшись, удивилась:

— Надьк, это ты, что ли, барыней разъезжаешь? Вот счастливая!

Мама сдержанно улыбнулась:

— Сынок приехал. В город меня везет!

— Это Димок, что ли? — спросила Нюра и стала приглядываться ко мне.

— Володька... Уж такой желанный! — гордо сообщила мама. И похвалилась: — Не курит, не выпивает. Книгу пишет!

— Ой, страсть-то какая! Весь в Дмитрия Ивановича!

Не понимая, что делать — негодовать или рассмеяться, — попросил:

— Кумушки, хватит мои косточки перемывать.

Вроде бы и шумнул, но сердиться не хотелось. Вполне понимал маму.

Столько она горестей приняла от детей своих, и от меня в том числе, что теперь ей было необыкновенно приятно сообщить о том, какой хороший у нее сын, зная, что Анна растрезвонит об этом.

С попутчицей мы расстались в Пушкарской слободе около конторы совхозного отделения, куда она добиралась за какой-то справкой, а сами в первом переулке свернули налево, на Кирпичную улицу, где стояла баня. Посетителей в ней оказалось мало. Купил маме билет и проводил до двери, напомнил:

— Буду здесь тебя ждать.

Она ушла, а когда появилась средних лет посетительница, попросил ее:

— Присмотрите, пожалуйста, за пожилой женщиной. Это моя мама.

— Обязательно! — пообещала она.

Я сел на свободный стул, а кассир спросила:

— Откуда же вы такой заботливый?

— Из Княжкой.

Похвала, конечно, приятна, но когда ее слишком много, то поежить-ся хочется. Да и помочь маме — обычное дело. Или у нас не привыкли к подобному вниманию, или нет времени уделять его, а мне повезло, что оно появилось. Вышла мама минут через двадцать румяной то ли от давления, то ли от банного пара.

— Что так быстро?! — удивился я.

— А чего колготиться? Голову помыла, сама ополоснулась — и на выход, пока давление не разыгралось.

— Какой же у вас, мамаша, сын внимательный! — сообщила кассир. — Все бы такими были!

— Он меня никогда не забывает, даже теперь, когда книгу пишет!

Попрощавшись со словоохотливой женщиной, я подхватил маму под руку. В машине начал выговаривать:

— Ну не надо лишний раз людям сообщать о книге, которой пока нет. Это никому не интересно и выглядит похвалой. Некрасиво получается. Хоть с тобой на людях не появляйся!

Она промолчала, отвернулась к окну. Уж лучше что-нибудь сказала бы, а то, вижу, обиделась. Тронул ее за рукав:

— Прости, лишнего наговорил.

Она внимательно посмотрела и, заметив, что я вполне серьезен, улыбнулась:

— Вот то-то же! И не оговаривай меня. Хоть на старости лет погоржусь сыном!

Мир между нами восстановился быстро, да и не могло быть по-иному. Около дома неожиданно увидел на столбе мужика, снимавшего фонарь.

— Мам, кто это?

Приглядевшись, она узнала человека.

— Это совхозный электрик с фермы.

Я вышел из машины.

— Ваша работа? — спустившись со столба, спросил вислоусый мужик, казавшийся снизу карликом, и указал на снятый фонарь и провисший провод.

— Моя! И что?

— А то... По закону, на вас необходимо штраф наложить за самовольное подключение.

— Так для всех же старался... Пол-улицы фонарь освещает, разве плохо?!

— Мало того, что воруете электричество, так еще и противопожарную инструкцию нарушаете, и спорить со мной бесполезно.

— Ну, если нарушаю, тогда из дома проведу.

— Вот это — пожалуйста, но с соблюдением правил безопасности.

Более я не стал говорить, а электрик, нацепив на ремень «кошки», пошел вдоль порядка.

— Эх, — вздохнула мама, — надо бы ему стаканчик поднести. Ведь он для того и шебуняет по деревне, чтобы к кому-нибудь придраться и выпить на дармовщинку.

Мы зашли в дом, я уложил маму на кровать и сказал:

— Отдохни, а я в Пронск смотаюсь.

— Да оттуда только что.

— Все изменилось... Куплю моток провода, выключатель да лампочек. Из дома сделаю проводку.

Во мне взыграла обида и гордость. «Вместо того чтобы цепляться к людям, развесили бы по деревне десяток лампочек, — сердито думал я. — Почти все, кто живет здесь, работали в колхозе, а потом в совхозе. Уж такие тяготы вынесли, войну пережили, а, получается, на лампочки перед домом не заработали!» Это казалось несправедливым, и захотелось сделать по-своему. В универмаге выбора особенного не было, но все-таки купил моток провода, мелких «стаканчиков», изоленту, шурупов. Подумал о дрели, но ее в магазине не оказалось, и вспомнил, что в инструментах отчима как-то видел бурав. Сложив покупки в сумку, уж было собрался уходить, но задержался, поговорил с понравившейся продавщицей. Чем — сказать не могу, но чем-то таким, что даже сказал «до свидания», расставаясь.

— Приходите еще! — попросила она и внимательно посмотрела искрытыми голубыми глазами, словно запоминая.

Не верилось, что она так говорила со всеми покупателями, почему-то подумалось: «Сказала это только мне!» Поэтому не удержался, всколыхнувшись от ее игривого настроения:

— А вас как зовут?

Она назвала свое имя, а я сразу переименовал его:

— Понятно: Незабудка! А я — Владимир!

— Вы всегда такой выдумщик?!

— Почти. Как начну выдумывать — не остановишь.

На том и расстались.

Вернувшись, более всего провозился, сверля тупым и ржавым буровом отверстие в дубовой колоде. Потом протянул провод до козырька над крыльцом, установил фонарь, выключатель в веранде, из кухни запитал новую линию током.

Выключателем щелкнул — есть контакт! Позвал маму.

— Принимай работу!

Она посмотрела на горевшую лампочку, похвалила:

— Удобнее стало, не надо на улицу выходить!

От всех сегодняшних событий: охоты, поездки в баню, возни с лампочкой — я только к вечеру вспомнил, что не обедал. И, как оказалось, мама тоже «макового зернышка во рту не держала» — меня ждала. Уже в сумерках сели за стол, а позже, завалившись на диван, подумал: «Вздремну, а потом поработаю», но проспал до утра и вспомнил о зайце.

— Хватилась! Половина его уж в печке томится! — порадовала мама. — Так что отдыхай.

Но разве можно отдыхать, когда творческая заноза напоминала о себе. Ничего не оставалось, как, быстро позавтракав, сесть за пишущую машинку. Пропустив вчерашний вечер, я набросился на нее как на добычу, чтобы выплеснуть на чистую бумагу очередные эпизоды окончания, выстроившиеся в четкий сюжетный ряд. Эмоций хватало, они даже перехватывали дыхание, когда описывал тогдашнюю жизнь своей Надежды Васильевны, ее драматические и трагические переживания. Она ничего об этом не знала, а я не спрашивал ни о чем, давно воссоздав в воображении все те грозные события, свалившиеся на нее после гибели на фронте мужа. Было понятно: скажи ей обо всем этом, развороши муравейник воспоминаний, она обязательно поправит, изменит готовый план, пытаясь помочь. Но главное, стронет собственную душу, у нее повысится давление, появятся перебои в сердце. И ведь не объяснишь ей, что план-то мой наполовину придуманный. В нем не все происходит именно так, как происходило в ее жизни. В моем воображении события выстроились последовательно, логично. Время уточнений давно прошло, особенно они терзали в начале работы, когда, будто четырехлетний младенец, приставал с вопросами «А почему?», «А как?», пытаясь докопаться до истины в давно минувших событиях. Изучал энциклопедии, воспоминания исторических личностей, беседовал со старожилками, сидел в архивах. В общем, провел большую работу, прежде чем погрузиться в глубину заветного путешествия, и вот теперь оно заканчивалось, и был соблазн поскорее закруглиться в ущерб композиции. Эту опасность я вполне понимал и не мог позволить себе легкомысленного поведения. Почти неделю провел за машинкой, редко выходя на улицу. Спал зачастую одетым — среди ночи валился на диван, укрывшись кожушком, чтобы, проснувшись, вновь накинуться на машинку.

Мама в эти дни отступилась от меня, жившего непонятной ей жизнью. Но как-то пристально вгляделась в усталые и слезящиеся глаза, пыталась оценить мое состояние.

— Сынок, ну что привязался к этой лихоманке?! Возьми ружье — прогуляйся!

Все правильно говорила. Я и сам понимал, что необходимо остановиться, передохнуть, чтобы не испортить концовку, и отправился побродить с ружьишком в полях. В юности, когда жили на Хуторах, меня влекло на север от деревни, в лес и лощины, манившие таинственностью и дикими обитателями, именно там я по-настоящему понимал радость проникновения в живую природу. В полях же, кроме березовых посадок, покрытых пушистым инеем, ничто не могло порадовать, хотя не красота окружающего раздолья мне сейчас была нужна, а возможность развеяться, продышаться.

## В МОСКВУ

После неустойчивой погоды последних дней по-настоящему подморозило. Сходил за огороды, проверил, крепко ли схватило колеи и... собрался в столицу, вспомнив о сыне, о Лене. Мама сразу переполошилась:

— Ой, ой — как же поедешь с пустыми руками?!

И заставила зарубить двух уток. Пока гнулся в подполе, набирая картошку, она разделала птиц, опалила, благо печка топилась, завернула в тряпицу. Когда собрался уезжать, мама приуныла:

— Возвращайся скорее, не бросай меня. А как вернешься, поросенка заколем! Сынка поцелуй за меня. И передай ему три рубля на мороженое.

— Есть у меня деньги.

— Нет-нет — ты мои возьми. И возвращайся скорей! Буду ждать!

В Пронске позвонил подруге, предупредил, что вечером приеду. Думал, подпрыгнет на стуле от радости, но она ответила непривычно скучно:

— Давно бы пора!

По возвращении в столицу, заехал в свою квартиру, где проживал с бывшей женой и сыном Димой. Никого в квартире не оказалось. Затащил мешок картошки, положил утку в холодильник — подарки от бабушки, — и помчался в Химки, зная, что Лена к этому часу должна вернуться с работы. Не виделись мы полтора месяца, и это показалось нешуточным испытанием. Ей под тридцать, живет в однушке, долго ждала принца, но вместо принца явился я. Пока такая жизнь устраивала, но годы шли, и она мечтала выйти замуж, родить ребенка, а я отделывался обещаниями. И нельзя сказать, что обманывал. Нет, просто наученный опытом предыдущего брака, не хотел успешных движений, считая, что жизнь все расставит по своим местам. Тогда и на серьезные поступки можно решиться, — пока не было уверенности, что мне это очень необходимо. Хотелось спокойно поработать над романом, а потом уж... Что будет потом, я не знал, да и не хотел пускаться в предсказания.

В последние месяцы после подписания договора с издательством я временами жил у Лены. Проводив ее утром на работу, усаживался за пишущую машинку. За несколько дней обрастал щетиной и, как-то заглянув в зеркало, понял, что такая внешность никому не понравится, а уж женщине тем более. Приходили и шальные мысли: «А нужен ли я ей, истерзанный думами и постоянными переживаниями? Женщины любят свежих, сильных!» В этом убедился, когда однажды она легла от меня отдельно. Не стал ни уговаривать вернуться, ни что-то объяснять. Просто на другой день устроил выходной. Повалился в постели, потом неторопливо побрился, поплескался в ванной, чувствуя, как от воды молодею. И очень радовался своему обновлению. Сходил в магазин, купил продуктов, приготовил ужин, а вечером съездил на станцию и встретил свое сокровище. Такое внимание она оценила и была как никогда улыбочива и весела. Да и мне радостно, что сумел создать ей настроение.

Все это повторилось после возвращения из Княжьей, но с той лишь разницей, что теперь я более думал о маме и воспринимал ее вынужденное одиночество как свое. Мысли не оставляли, и я знал, что эти переживания не могли продолжаться долго. Оставалось только понять, насколько хватит моего терпения, чтобы не сорваться и уехать, не обговорив отъезд. Я вполне понимал, что может наступить такой момент, когда вход на чужую территорию будет запрещен, но и к этому внутренне был готов, и все потому, что у меня в эти месяцы была лишь одна настоящая забота — о маме, ну и романе, конечно.

Пугливая, худенькая Лена-Елена это поняла, и ей в таком случае надо было либо выставить меня, либо смириться. Она пока смирилась. Слезливый характер не позволял ей принимать резких решений. Говорила, как всегда, мягко, находясь в плену природной интеллигентности. Работала она экономистом в строительном управлении на Пресне, занимала отдельный кабинетик на втором этаже, сидела, обложенная папками с бумагами, счетами, арифмометром, имелась у нее и электрическая пишущая машинка — моя мечта. Когда я заглядывал в гости, мы пили чай, а

она нет-нет да поглядывала на часы, давая понять, что не располагает временем. Первое время думал, что у нее кто-то есть, но потом понял, что она не умеет быть неискренней, вся на виду: какая есть, такой и принимай. И эта жизненная установка не самая плохая.

Прожил я в Химках неделю, провожая и встречая хозяйку с работы. Это хорошо, это наполняло сердце позитивом. Но когда оставался в чужой квартире один, не находил себе места, словно кто-то запер меня в клетке. Самое страшное, что застопорилась работа над рукописью. Попусту сидел за машинкой, словно все напрочь забыл. Обзывал себя самым глупым животным, пытался писать текст от руки, но, накропав страничку-другую, вдруг понял, что мысль уводит в сторону от сюжета, вполне может испортить его, и, осознав это, разорвал листки и постарался забыть написанное. И стало ясно, что в эти дни я жил ожиданием возвращения к маме и, как следствие, серьезного разговора с Леной. И вот в подошедшие выходные дождался-таки монолога, хотя он походил более на реплику, состоявшую из нескольких фраз. Главная из них объясняла дальнейшие отношения:

— Мы устали друг от друга. Нужен перерыв! — сказала она, а у самой слезы на глазах.

— А ты не думаешь, что этот перерыв может затянуться навсегда?

— Возможно... Но я не могу более ждать непонятно чего.

И сразу чувства во мне всколыхнулись, обида толкнула на резкие движения. Я собрал в сумку вещи, подхватил машинку и, сказав «пока», ушел, а она даже не попыталась остановить.

## ВСТРЕЧА С СЫНОМ

Через полчаса был у себя в Строгине и застал сына. Он обрадовался моему появлению, но когда я предложил ему сходить в кино, Дима отказался — мол, через полчаса встречается с приятелями. Знаю я эти встречи в подвале ближайшего дома. Месяца два назад заглядывал к ним, решив провести инспекцию, и обнаружил пробитый во внутренней стене лаз в какое-то помещение, и взрослому в него не пролезть. Сыну — 11 лет, и вполне понятно мое переживание за мальчишку, тем более что его мать, с которой я развелся несколько лет назад, постоянно внушает ему, не желая его общения со мной, что «отец бросил тебя». Из-за этого я разговаривал с ней как платательщик алиментов. Не более. Сын все это понимал, и ему не приходилось объяснять, что я всегда с ним душой, всегда о нем думаю. Когда он ушел, я отправился в универсам, купил еды на ужин и завтрак, зная, что завтра помчусь в Княжую.

Утром, позавтракав, распрощался с приунывшим Митей, собиравшимся в школу и попросившим еще привезти утку, очень понравившуюся.

— Утку не обещаю, а ветчины привезу! Да, — вспомнил я, — вот тебе три рубля — бабушка передала на лимонад и мороженое. И от меня десятка, — достал из портмоне красненькую купюру. — Вполне можешь тратить на что угодно. — Я не стал его разоблачать, напоминать о том случае, когда от него пахло табаком. Зачем портить отношения перед отъездом, тем более что он все равно сделает по-своему.

— Пап, жалко, что уезжаешь. Буду ждать тебя. Бабушке привет передавай!

— Передам, конечно. Она часто вспоминает тебя, спрашивает, когда еще навестишь.



На улице около машины расстались, по-мужски пожав руки: он пошел в школу, а я отправился в Княжую, где ждали совсем другие впечатления, чем в Москве, к которой за долгие годы я так и не привык. По пути все-таки не удержался, заскочил в издательство, где сообщили, что вот-вот должен прибыть сигнальный экземпляр книги, а я сразу задумался: ехать или нет? Понимал, что меня ждет мама, но и очень хотелось поддержать свою первую книгу с названием «Мягкая зима», верстку которой прочитал в сентябре. Называлась она соответственно теперешнему сезону, будто специально так подгадал.

Выслушав младшего редактора, принял решение с поездкой повременить, дождаться книги и уж тогда триумфально возвратиться. Единственное, что печалило, так это мамино ожидание, но и здесь нашел выход. Вернувшись домой, поставил машину, сходил на почту и начеркал короткое письмо, сообщив, что задержусь, что всегда думаю о ней и люблю! Опустив конверт в почтовый ящик, немного успокоился, а увидев магазин галантереи, вспомнил, что у мамы сломана гребенка. Зашел и не прогадал, увидев их на витрине.

— Мне, пожалуйста, две! — Думал, что приветливая продавец спросит что-нибудь, но она тактично промолчала, лишь улыбнулась.

Вышел из магазина, а на душе радость, что вовремя вспомнил о маме, и невольно подумал: «Хотя от чего радость? От двух гребенок? Да такая покупка Настиным курам на смех!» Поэтому съездил на следующий день в Щукино и купил маме кофту, решив, что такой подарок вручить не стыдно.

В тот же день, успокоившись, вспомнил о рукописи, и опять захлестнуло литературное неистовство. Страничка за страничкой приближал концовку, не разбираясь в таком понятии, как день и ночь. Время суток было без разницы, тем более что дни в эту пору короткие, с наперсток. Я превратился в небритого, страшного человека. Как-то в комнату заглянул сын и испуганно спросил:

— Все печатаешь?

— Как видишь. Осталось немного... — отговорился я, и почувствовал себя необыкновенно неловко оттого, что не мог с ним позаниматься, и пообещал: — Вот закончу через несколько дней, обязательно сходим в кино и на каток.

— Тогда пока дай рублик на коктейль! — сообразив, что ничего более от меня сейчас не добиться, попросил сын.

Не хотелось, конечно, отделяться от него «рубликом», но обстоятельства были выше меня, и я был рад хотя бы такому повороту событий.

Любое рвение иногда требует отдыха, хотя бы относительного. Поэтому несколько дней сидел за машинкой лишь до обеда, а когда сын приходил из школы, занимался с ним. Мать его в эти часы была на работе, а к вечеру, чтобы лишней раз не пересекаться с ней, отправлялся в Дом литераторов. Встречаясь с приятелями, заглядывал в Пестрый зал или ресторан, известных старинным интерьером и дешевой визой, где можно посмотреть на маститых писателей, может, с кем-то из них познакомиться. Да, известные «портреты» встречались, только я-то мало кому был знаком, но это меня нисколько не огорчало. Ведь верил в себя, знал, что рано или поздно пробьюсь под согревающие лучи славы. По-иному и быть не могло, если вот-вот выйдет книга, если есть несколько публикаций в центральной печати, если на днях завершу роман. Как ни крути, а намечалась вполне очевидная дорога.

Пообщавшись с писателями, я еще решительнее садился за машинку, доводил себя в очередной раз до изнеможения и бессонницы. Была

мысль единым махом написать окончание, но нет, терпение, похожее на издевательство над собой, заставляло дописывать текст осмотрительно, без шараханий и уклонений от выстроенного в голове сюжета. И как-то так получилось, когда, по подсчетам, оставалось работы на неделю, я за два дня, растерзав машинку и самого себя, завершил роман последними фразами «А снег все валил и валил. Шла новая зима...»

Была ночь, я сидел за машинкой, утирал слезы и все еще не верил, что окончил многолетнюю работу, и теперь счастье и ликование разлилось на душе. И захотелось взлететь, воспарить надо всем, что есть, радуясь волшебному завершению. Я подошел к окну... Там, как и в романе, падал снег, и мне почему-то подумалось, что ничего в мире не происходит случайно, что все события в жизни человека связаны между собой и с природой, да по-иному быть не могло, потому что мы являемся частью ее. На календаре завершающийся день был обозначен седьмым декабря, и этот день запомнился навсегда, не мог не запомниться.

## ОТЦОВСКИЕ ЗАБОТЫ

Наутро по привычке было подступил к машинке, но вспомнил, что на какое-то время освободился от ее диктата. Долго лежал на запровленной кровати и, закрыв глаза, блаженствовал от ничегонеделания. Оказывается, иногда это доставляет удивительную радость, хотя и понимал, что оно приходит лишь после завершения огромной работы.

Дождавшись сына из школы и попросив его по-быстрому сделать уроки, заинтриговал:

— А потом будем делать, что захотим!

Дмитрий Владимирович согласился и тотчас предложил:

— Купим фотоувеличитель.

— Как скажешь. Давно пора. А то аппарат есть, а фотографии печатаешь у приятелей.

Он и получаса не просидел за учебниками и доложил:

— Можно ехать!

— Но с условием: после доделаешь уроки!

Сын понял, что я его хитрость раскусил, и согласился — не мог не согласиться. В этот момент он был готов на что угодно.

Поехали на чопорную улицу Горького, где и купили громоздкий фотоувеличитель. Когда я расплачивался в кассе, сын подал мне десятку и, подумав, добавил еще три рубля, решив помочь.

— А это откуда?

— Сам же недавно подарил! И бабушка присылала!

— Молодец, что сохранил. Оставь деньги у себя.

Накупив фотобумаги, проявителей-закрепителей, красный фонарь, возвращались словно с удачной охоты — тем более, что у Белорусского вокзала поели чебуреков. Перед тем, как сесть в такси, сын купил в киоске шоколадку «Аленка».

— Подари бабушке, когда к ней поедешь! — как старший младшему сказал он.

— Да я куплю.

— Нет. Скажешь ей, что это от меня лично!

Мне было известно, что у сына с бабушкой особая дружба. Будучи в Княжой, узнав, что в магазине принимают посуду, сын стал ходить с ней: она за хлебом, крупой да сладостями, а он — сдавать бутылки. Каждая бу-

тылка — двадцать копеек, надо только отыскать в крапиве, куда их бросал дедушка-отчим, да отмыть в бочке. Сдал пять штук — рублик в кармане.

— Мам, не порть внука! — сколько раз я укорял ее.

— Этим не испортишь. Пусть с детства знает цену деньгам.

Понятно, что после таких поездок сын очень не хотел уезжать от бабушки. В сегодняшнем же походе за фотоувеличителем более всего понравилась инициатива сына с шоколадкой. Но все равно захваливать не стал.

— Молодец, что о бабушке помнишь! — сказал скупю, а душа расцвела.

В квартире сыну сразу стало не до меня, и чтобы не мешать, я отправился к брату, зная, что он на днях вернулся с полярной вахты. Прихватив известный напиток и конфет его детишкам, отправился в Ясенево. Встретились, поговорили о маме. Исхудавший и обросший бородой брат порадовался, что я опять к ней собираюсь:

— Вот и хорошо! А я с женушкой побуду!

Понять брата можно. Все-таки два месяца без семьи в несладких северных условиях что-то значат. Для меня же главное, что поведалься с ним. И не более того. Потому что книг он не читал, и ему эта тема была совсем не интересна. Вот когда разговор завели об охоте — он оживился, рассказал, как ловят в тундре белых куропаток. Оказалось, очень просто: наделают конических лунок, насыпят в них клюквы, а глупые птицы тянутся за ней и опрокидываются, а обратно уж выбраться не могут. На следующий день иди и собирай добычу, если, конечно, не поднимется метель. А если и не будет ее, то от поселка все равно далеко уходить нельзя, одному — тем более. Поговорили и о работе на Севере.

— Я бы на твоём месте не терялся — тоже завербовался бы. Права имеешь, устроился бы шофером и в ус не дул. Заработки там отличные! — уговаривал он.

— Эх, брат! Я почти двадцать лет кручу баранку, и заработками меня не удивишь — всяко бывало! Но иное на душе вьется! — отказался я, но был благодарен ему за заботу.

Но как мне теперь уехать далеко, на кого оставить маму? Как можно оставить сочинительство? Брат, похоже, насчет этого не задумывался, а для меня это было главной задачей. И никаких денег не надо. Да и была у меня работа на ближайшее время: вычитывать и редактировать рукопись, доводить ее до «ума».

Мы, конечно, выпили — жена его только успевала подавать закуски. Посмотрел я на подросших дочку и сына брата, и все бы хорошо, но нет-нет да вспоминалась мама. «Завтра же уеду в деревню! — сказал сам себе. — Сколько можно ждать сигнального экземпляра? В следующий приезд получу!» А чтобы окончательно утвердиться в принятом решении, отказался от «посошка», зная, что завтра садиться за руль.

Попрощался с братом, а утром, перед отъездом в Княжую, все-таки позвонил в издательство и услышал ответ:

— Несколько дней книга Вас дожидается.

Несказанно обрадовавшись такому совпадению, я оставил сыну записку, подхватил машинку, в сумку уложил пачку писчей бумаги, в отдельный конверт копировальную, прихватил канцелярские белила, подарки маме от себя и сына, и выскочил из квартиры.

Вскоре был в издательстве, получил книгу, показавшуюся в этот момент самой лучшей книгой в мире, сдержанно поблагодарил за хлопоты и покинул присутствие. Надо бы организовать в редакции широкое чаепитие, сполна проявить признательность, но у меня душа не лежала ни к ре-

дактору книги, ни к заведующей. Они были новыми людьми, и года не проработавшими, а когда пришли, то первым делом попытались выбросить мою книгу из издательского плана, к которому не имели никакого отношения. Заведующая отделом сказала вроде бы сочувственно, но ее черные глаза искрились плохо сдерживаемой радостью: «К сожалению, ваша книга не состоялась!» Я, конечно, обратился к главреду, кое-как отстоял позицию, но половину заявленного объема новоявленные маркитанты отняли, а значит, лишили половины гонорара, хотя и это не главное. Главное, что обошлись по-хамски. А как мне после этого сидеть с мерзкими людьми за одним столом, говорить им льстивые слова? Никак невозможно! Поэтому, прикупив продуктов, с легкой душой взял курс на родину.

## ДОМОЙ, В ДЕРЕВНЮ

Дорога знакомая. Уж сколько раз по ней туда-сюда мотался. Вот и теперь мчался по Рязанскому шоссе, местами по-прежнему узкому, местами расширенному. Проскочил Коломну, Рязань, впереди — Пронск. Книга лежала перед глазами на «торпеде», и я не мог налюбоваться своим детищем. Да и невозможно это было сделать: любой подтвердит, у кого выходили книги.

За Пронском, осторожно съехав с большака, обнаружил вполне накатанную дорогу, лишь около фермы скакнул наискось неглубоких тракторных колея, засыпанных растерянной соломой, и выехал на свой порядок. Около дома сигналить по привычке не стал, решив сделать маме сюрприз. Но она каким-то образом заметила меня раньше, когда разгрузил багажник. Повернулся — она не радостно выглядывает в распахнутую дверь веранды.

— Мам, вот и прибыл! — оповестил я, но увидел печаль на ее лице. — Что случилось?

— На днях Настя умерла...

От неожиданности я замер.

— Что с ней?

— Старость. После твоего отъезда она ко мне вернулась. Я ее искупала в корыте, обиходила. Она ведь несчастная всю жизнь была, ни от кого доброго слова не слышала. Уж сколько раз мы вместе с ней ревели на пару. Соберемся, начнем вспоминать жизнь — и слезы ручьем. Она ко мне перебиралась не просто так: ее родная сестра давно из дома выгоняла. Пока был жив Александр Иванович, то остерегалась, а как его не стало — осмелела. Да и то сказать: сестра я ведь ей. Как не приютить. А накануне смертушки пошла к себе, сказала, что будет собирать узелок. Как чувствовала свой час. В тот день не вернулась, пошла я наутро проведать ее, а перепуганная Маня навстречу несетя. Все ясно стало. Потом совхозные трактористы выкопали могилку, помогли похоронить.

— Это чего же — без поминак?

— Собрала я их у себя... Покормила... Ну ты проходи, а то застыл на полпути.

Занес в дом машинку, вещи, а с мамой даже не обнялся из-за неподходящего момента.

— Вот, — указала она на гушу поросенка на веранде. — Не дождались тебя, хотя и письмо получила, но ты же не уточнил, когда приедешь. А поросенка кормить — себе дороже. Вчера мужики зарезали.

— Ну и хорошо! — согласился с ее доводами. — Завтра разрублю.

— А сейчас пойдем за стол — пшеничным кулешом твоим любимым накормлю. — Она знала, что я всегда любил такой кулеш со свиными кишками, необыкновенно вкусный. Пробовали жарить — не то, а колбасу у нас не принято делать.

— Как знала, что приеду, — кулеша-то наготовила?

— Так и самой захотелось мягонького похлебать.

Прежде чем сесть за стол, выложил в холодильник колбасу и сыр, рыбные консервы, вспомнил о шоколадке, которую сын упаковал в картонки, чтобы не сломалась.

— Вот и Димок вспомнил обо мне!

— Так и есть... Прислал ответку! Вы же заединчики! А это, — развернул я гребенки, — от меня подарочек. А то, помнится, вышла из бани с огрызком вместо настоящей гребенки — не солидно!

Мама улыбнулась, понимая, что шучу, и обняла меня, поцеловала.

— Это еще не все! — и достал упакованную кофту, развернул: — Примерь!

Мама то ли от радости, то ли от стеснения залилась румянцем, но кофту приняла, сняла меховую безрукавку и померила подарок, удивилась:

— Откуда же мой размер-то помнишь?

— А чего его помнить, если он всю жизнь у тебя не меняется: 3 — 52!

— И сколько же такая стоит-то?

— Какая разница. Носи, она теплая, как раз для зимней поры.

За столом мы неторопливо говорили о житье-бытье, а мама нет-нет да поглядывала на застеленный топчан, где лежала кофта, а я ждал момента, чтобы рассказать о книге. Представлялось: приеду, поднесу подарки, потом сядем за стол, я покажу ее, а мама рассыплется красивыми словами... Но сейчас повременил с этим.

После обеда занялся иным: сбегал дважды к колодцу, принес из дровяника охапку поленьев на завтра и для лежанки, затопил ее, дождался, пока огонь загудит за дверцей, и под этот ласкающий гул, показавшийся ликующим, раскрыл свою книгу! Было интересно взглянуть на строчки, вышедшие из-под собственного «пера», хотя помнил их по памяти. Я читал рассказ за рассказом и не заметил, как прогорели дрова. Лишь услышал, когда вошла мама, управившаяся с птицей и овцами, и закрыла вьюшку. Заметив, что я лежу с книгой в руках, она тихо вышла, а я читал и читал. Потом вкусно запахло жареным луком, и я вышел к маме.

— Садись — картошку на подчеревке пожарила! — пригласила она и сняла с газовой плиты сковородку, разложила парящую картошку по тарелкам, подвинула ко мне соленые огурцы. И я понял, что вот теперь пора похвалиться, когда более или менее забылось печальное известие о Насте, и положил книгу перед мамой, а она впервые с момента приезда улыбнулась:

— Молодец, добился-таки своего!

— Да, мам! И это только начало. На днях завершил роман — это тоже для меня событие!

— Эх, мучаешь себя, парень! Нет бы отдохнуть, пока не работаешь, а ты с машинкой своей не расстаешься. Как там Лена?

— Нормально. Что ей делается! — не стал огорчать маму подробностями нашего расставания.

— Жалко мне ее, какой год ждет, когда сделаешь предложение, да разве тебе до этого! Ты со своими книгами безумным стал!

Я промолчал, зная, что если что-нибудь скажу, то не услышу ничего одобрительного. Не дождавшись ответа, мама вздохнула, перевела разговор:

— Поросенка-то завтра, что ли, разделашь, пока он не захряс? Или опять за машинку засядешь?

— Сказал же — роман закончил, теперь могу и дурака повалить. А хрюндель завтра куда не денется.

## МАМИНЫ РУКИ

Все так и произошло утром, как было задумано. Но прежде я повалялся в постели — захотелось после стольких славных дел расслабиться и побаловать себя ленью. После легкого завтрака наточил топор, затащил тушу в кухню и, подложив доску, начал рубить с ног и головы. Потом отхватил зашеину, рассек бесчувственного Борьку по хребту и каждую половину — на три окорока. Вырезал из них кости, подстелив клеенку, уложил окорока на полу, а мама натерла сало, называемое у нас ветчиной, крупной солью, потому что вместе с салом принято засаливать и слой мяса. Один окорок осыпала чесноком — на любителя. Все. Был Борька — и нет его. На обед я накрутил мяса для котлет, и, пока они жарились на плите, мама достала из печи два чугунка: один с грибным супом, другой с тушеной на свинине солянкой.

— Ну вот: мясо с мясом будем есть! — сказал я за столом, когда мама подвигала ко мне то одно угощение, то другое.

Наблюдая за ее руками, не мог не заметить, какие они натруженные, с бугристыми суставами. Уж сколько они переделали за долгую жизнь разных, порою грязных работ, отчего пальцы были в воспаленных заусенцах, ногти неровные, и пришедшая мысль как уколола: «Ведь ничего не стоит распарить ее руки в теплой воде, аккуратно постричь их и просто прикоснуться, передать свое тепло!»

От такой мысли у меня и на сердце потеплело, почему-то вспомнились прежние времена. Ведь маму в Княжой всегда считали культурной, да и было отчего: жена главного инженера завода! Какая жительница могла похвалиться таким положением? Вот только мама никогда не хвасталась, никогда скромность не покидала ее, а стеснительность — ее отличительная черта. Почему-то особенно запомнилось, как она вела себя в гостях за общим столом. Уж, бывало, вся искраснеется, не зная, как взять вилку. Самый для нее лучший вариант — вообще ни к чему не прикасаться. Положит перед собой пирожок и весь вечер стесняется поднять глаза. Папа уж и не обращал на это внимание, а если обратит — вообще беда. Могла подняться и уйти.

Напомнил ей об этом и сказал, что у культурного человека руки должны быть ухоженными, а она сразу отмахнулась:

— Какие есть. Я с малых лет в работе. Ты-то тоже дурака не валял, особенно когда Дмитрия Ивановича не стало.

И я вспомнил, как в то лето впервые заработал денег, обозначая тяжелой геодетической рейкой точки на плане, по которому на дальней окраине Пронска наметили строить новую ферму. Маркшейдер, с кем я работал, оценил мои дневные старания в пять рублей. Принес я их маме, получив в совхозной кассе, а она прослезилась.

Напомнил ей сейчас об этом.

— Молодец! С тринадцати лет начал деньги зарабатывать. Я-то только в сорок узнала, что это такое — получить казенные денежки.

— Ты же всю жизнь в трудах, а начала лет с восьми нянькой в Пронске! — напомнил ей.

— Это так. Только деньги за меня получала матушка, а потом я полжиз-

ни в колхозе горбатилась, пока руку не сломала, да только там с нами расплачивались не золотыми червонцами, а натурпродуктом — соломой, зерном, иногда немного сахара дадут. Как хочешь, так и живи. Лишь в сорок лет получила первую получку деньгами. Под Москвой это было, куда мы переехали из Литвы. Устроил меня твой отец на водокачку дежурной. Работа простая: лампочка на башне водокачки загорелась — иду включать мотор. Через двадцать минут она гасла — мотор выключаю и возвращаюсь в барак.

— А что — чистая работа, а не переломишься!

— Это верно. Только по работе и платили. Помню, в первую получку за неполный месяц отхватила 167 рублей тогдашними деньгами и две облигации займа по десять рубликов навязали, а все равно радость невозможная. Растерялась, не зная, что дальше делать. Вышла из конторы, а на улице увидела Дмитрия Ивановича и разревелась от счастья. Он удивился и долго смеялся, узнав, причину, даже подковырнул: «Надо первую получку обмыть!»

— Обмыли?

— Обмыли... Накупили конфет, пряников — всей семьей устроили чаепитие...

Все это я ясно представил, глядя на мамины руки. Поэтому после обеда молча нагрел небольшой тазик воды, позвал ее из спальни, усадил напротив себя. Она сперва не поняла, *что* я затеял, но когда опустил ее руки в воду, отдернула их:

— Зачем?

— Мам, пора ими заняться. Давай-ка подстригу коготки, заусенцы почикаю.

— Нет-нет, — запротестовала она. — Я не барыня какая, чтобы возиться со мной. Лучше в баню отвези.

— И в баню отвезу. Ну, и чего ты противишься-то?! Ведь всю жизнь за нами горшки таскала, давно пришла пора и детям о тебе позаботиться!

Она смотрела испуганными и удивленными глазами, словно не могла поверить в сказанное. Мои простые слова показались ей, видимо, настолько необычными, что она вдруг затряслась от всхлипываний. Она не рыдала в голос, а, скукожившись, склонила голову, словно стеснялась на меня взглянуть, и торопливо смахивала мокрыми руками со щек слезы. Говорить в этот момент я ничего не мог, да и не нужны были сейчас слова. Ведь напомни ей, что она перенесла в войну, какие тяготы и лишения испытала, растя детей, она ответит словно о нестоящем: «Не я одна, все так!» Поэтому просто подсел к ней и обнял за плечи. Так и сидели, пока она перестала вздрагивать, а я попытался окончательно успокоить ее:

— Мам, все хорошо, все нормально же...

Пока ее руки отмокали в теплой воде, я успел поточить ножницы и начал палец за пальцем аккуратно постригать маме ногти, остерегаясь резануть «с мясом», потом подвернувшейся щеточкой прошелся по ним. Пальцы не очень-то слушались, а на левой, когда-то сломанной и плохо сросшейся руке, пришлось приспособливаться, добираясь до того или иного ноготка. Полегоньку-помаленьку все подстриг, вот только пилочки не имелось, и ободки остались, но все равно стали почти незаметными без заусенцев. Ополоснув, я промокнул руки полотенцем, смазал своим кремом, каким пользовался после бритья, и они стали мягкими, душистыми. Я держал их перед собой и любовался ими, радовался удавшейся задумке.

— Ну все, сынок, хватит. Мне надо картошку на вечер почистить! — застеснялась она.

— Не позволю! Хотя бы полдня ничего не делай! Ну пожалуйста,

мам! — вполне серьезно попросил я. — Вот с завтрашнего дня занимайся, чем хочешь, а сегодня ты — барыня!

Уж не знаю, что мама подумала, но молча вздохнула, улыбнулась:

— Тогда сам чисть, если напросился. Голодными нам, что ли, сидеть?!

— И почищу, и птицу накормлю, и овец!

И действительно не позволил маме ничего делать: ни до ужина, ни после, даже сам помыл посуду. И вдруг стал замечать, что она будто-то бы привыкла к праздности. Ходила из кухни в комнату, заглядывала в спальню, скрипела там дверцей шкафа, перебирала вещи в сундуке и постоянно поглядывала на свои руки, а потом и вовсе уставилась в зеркало. Она заметила, что я улыбнулся, пошутила:

— Губы, что ли, накрасить?!

— А что, мам, попробуй, отличишь!

— Рада бы, да нечем. Да и ни к чему, а то привыкну лентяйничать, тогда заголосишь с голоду.

Мы весь вечер шутливо переговаривались, а потом мама по привычке приняла клофелин от давления, а я стал дочитывать книгу. Свою первую, долготжданную.

## КОНФЛИКТ НА РОВНОМ МЕСТЕ

Утром выпала пороша. Как удержаться, чтобы не побродить с ружьем?! Даже завтракать не стал, лишь выпил стакан чаю. Когда собрался, мама попросила:

— Ты хоть зайцев-то пожалей! Пусть себе по полям носятся. Мяса у нас и без них хватает!

О зайцах в это утро я думал менее всего. Действительно, что они плохо сделали? Меня вдруг поманил простор, открывающийся сразу за огородами, дальше перекрестье заснеженных увалов, полого спускающихся к долине Прони. Если недавно смотрел на заснеженные поля и ничего не видел в них привлекательного, то теперь захотелось подняться на одно из них и заглянуть до самого дальнего синего горизонта, незаметно сливавшегося с заснеженной равниной. Снега к этому дню намело изрядно, он успел уплотниться — поэтому я нацепил лыжи. Захотелось идти и идти, неведомо куда и зачем, но все-таки поставил задачу дойти до Прони. Почему именно до замерзшей в эту пору реки? Да потому, что без какой-либо цели невозможно жить. Она необходима в любой задумке, даже в самой несложной.

Словно повинувшись указанию мамы, я даже не загонял патроны в стволы ружья. Мне действительно в это утро не хотелось охотиться и отвлекаться от созерцательности, на которую сам же себя и настроил. «Так что живите, зайцы, радуйтесь моему хорошему настроению и благодарите свою заступницу! Когда еще вам так повезет?» — окончательно решил я.

Дойдя до заснеженной реки, постоял, повспоминал, как здесь купался летом, охотился осенью в зарослях камыша и куги, и повернул назад. И впервые за последнее время не спешил, не глядел на часы. Некуда торопиться. Это было так удивительно и необычно, что я неспешно скользил и скользил по лыжне вдоль лощин, не чувствуя усталости.

Когда, вернувшись, пообедал, захотел полистать книгу, но не увидел ее около машинки.

— Мам, где «Мягкая зима»?

Она ничего не ответила из спальни, явно затаилась, а потом неслышно вышла, призналась:



— Ой, Вовка, не ругайся! Когда ты на охоту затопилась, я в магазин ходила... Нашу книгу бабам показала, а продавщица ухватилась — попросила почитать. Завтра отдаст.

— Похвалиться, значит, захотела?

— Не похвалиться, а погордиться! Что же мне, сходить и отобрать? Стыдно ведь...

— До завтра так до завтра. Главное, чтобы не зачитала. Ведь эта книга у меня одна, называется сигнальным экземпляром, и в магазинах ее пока нет. Вот когда появится в продаже, тогда накуплю, сам буду раздаривать.

Мы вроде бы договорились, а на душе все равно было неуютно, словно родного ребенка отдали в чужие руки. Остаток дня тосковал по книге, а утром отправил маму к продавщице:

— Иди и пустой не возвращайся! — приказал я, понимая, что так сердито не надо бы разговаривать, но ничего не мог с собой поделать.

Когда рассвело, мама затопилась к Валентине до открытия магазина, ведь открывала она его, особенно зимой, часов в десять. И не сразу вернулась. А пришла расстроенная и молча отдала книгу. Потом укрылась в спальне и долго не выходила. Я заволновался.

— Мам, что опять случилось-то? — спросил, по-настоящему переживая.

— Дай лучше таблетку от давления — кровь в висках дукает!

Принес таблетку, воды. Она выпила и посмотрела на меня с превеликой укоризной, вздохнула:

— Зачем же позоришь-то меня?

— Это как?!

— А так... Мне теперь будет стыдно в магазине появиться. Не знала, что о Мане и Пете написал. Не думала, что меня так ославишь!

— Да ничего не писал я о деревенских, а если что-то и было, то под вымышленными именами.

— А как же Маня с Петей? Они-то чем провинились перед тобой? Теперь все узнают, что о Настинной сестре насочинял!

И я вспомнил рассказ, где герои — доверчивая простушка Маша и змей-искуситель Петя. Причем у нашего деревенского Пети фамилия иная, а фамилия Маши лишь соответствует деревенскому прозвищу Мани. Когда сочинял, то совсем забыл об этом, потому что не имел их в виду. И вот теперь, все вспомнив, действительно почувствовал себя неловко и начал оправдываться:

— Кроме продавщицы, никто и не узнает об этом.

— Она такая языкастая, каждому доложит. И как мне теперь по деревне пройти?

— Обычно. Иди и не думай ни о чем. Мало ли что и где написано. Да и доказательств никаких нет.

Она поняла, что я ее успокаиваю, отвожу от себя гнев, и решила оставить слово за собой:

— Что бы ты ни говорил, а пора тебе взяты за ум и перестать греметь этой лихоманкой, — и указала на машинку. — Вот привязался, вот привязался-то! Э-эх!

«Мама-мама, знала бы, что написал о тебе в романе, — подумал я. — О твоих переживаниях, мытарствах, слезах. И пусть ничего зазорного в этом нет, и многое ты сама же рассказывала, вспоминая долгую и нерадостную жизнь, но как мне пропустить мимо ушей, мимо своего сердца все твои страдания, ставшие и моими страданиями?!» Поэтому постарался сгладить ее ворчание, чтобы окончательно не расстраивать:

— Нет, мам, теперь это выше моих сил. Видишь стопку бумаг? Не зря же я отдал работе над текстом много лет. Единственное, что могу обещать, так это то, что буду более вдумчивым, имея в виду земляков.

— Ну, хотя бы успокоил, а то уж и дышать нечем было.

Более или менее отношения прояснили, а мне вспомнилась череда героев, большинство из которых имели деревенские прототипы. И хорошо, что роман не вычитан, это лишь предстояло сделать, кое-что поправить, и пусть осечка с Маней и Петей будет уроком.

## ЧАРЫ НЕЗАБУДКИ

На следующий день мама забыла о «разборке», а в пятницу вспомнила о бане: сама напросилась, помня, как мы быстро добрались до Пронска в прошлый раз. Дорога к этому дню окончательно накаталась, поэтому мы собирались с легкой душой. Мама достала из скрипучего шкафа и надела любимое и единственное темно-зеленое зимнее пальто с черным воротником из крота, новую кофту, темно-коричневую легкую шаль, новые валенки с блестящими галошами. Служительница нас едва узнала, похвалила: «Вот молодцы», продала билет, а перед тем, как маме скрыться за дверями, сказал ей:

— Пока съезжу, лампочек куплю.

— И хлеба свежего не забудь.

Уже на ступеньках магазина вспомнился мимолетный взгляд продавщицы, вспомнилось и то, что называл ее Незабудкой, а когда увидел, к своей радости, вновь — налился неудержимым весельем и всегдашней привычкой подшучивать. В такие моменты меня будто разбирало. Подойдя к прилавку, поздоровался и спросил:

— Сто лампочек имеются в наличии?

Она замерла, словно ослышалась, и восприняла вопрос вполне серьезно, замялась:

— Сто, наверное, не будет. Их быстро разбирают...

— Хотя бы пяток-то найдется? — попросил я, мило, как мне показалось, улыбнувшись.

— А вы шутник! — улыбнулась она в ответ, раскусив меня.

Этой шутки оказалось достаточно, чтобы разговориться. Покупателей была мало, нам почти никто не мешал, и, нахально разглядывая женщину, исподволь рассматривавшую меня, я очень быстро узнал, что она растит дочку, в прошлом году развелась, и от ее значительных откровений у меня заколотилось сердце. Чтобы не упускать возможность и ловко использовать взаимное настроение, спросил:

— А что сегодня вечером делает Незабудка?

— Она забирает дочку из садика и воспитывает ее.

— А завтра?

— Завтра после обеда дочка поедет к бабушке на выходные отдыхать от мамы...

— И?.. — нахальничал я. — Может, чаю попьем?!

— Можно... — она неожиданно охотно поддержала, внимательно и пронзительно посмотрев мне в глаза и, чуть застеснявшись, слегка прикрыла ресницами свои синие очи.

Уточнили время, место, и я, высоченный, гордо пошагал к выходу. Садясь за руль, вскользь заметил, что Незабудка смотрит из-за морозных узоров широкого окна. Что она думала в этот момент — Бог весть. Глав-

ное, что встретимся. В фантазиях в этот момент рисовались самые буйные картины, родившиеся от прилива сил, ведь прошла неделя, как я бездельничал, и за это время отдохнул, отоспался.

Мама ожидала, разговаривая с кассиршей (значит, я долго все-таки болтал с Незабудкой), и сразу заметила мое изменившееся настроение, а я вспомнил, что забыл купить хлеба, и честно признался.

Мы заехали по пути в слободской магазин, а после взяли курс на Княжую. Обычно-то я не особенно разговорчивый, а тут разболтался, чем заставил маму подозрительно посмотреть на меня.

— В кафе не заезжал? — спросила она, намекая на выпивку.

— Нет. Одноклассника встретил, немного поговорили.

Пришлось соврать, но я и враньем-то не считал поспешные и, наверное, не очень убедительные слова, но мама успокоилась. Когда вернулись, она начала собирать обед, я же принес из колодца воды, дров, птице вынес таз распаренного комбикорма, охапку сена овцам, напоил их — старался избавить маму от привычных хлопот. За обедом она почти не ела и отправилась полежать. Я не удерживал, зная ее не лучшее состояние после бани. Сам же поел наваристых щей, жареной на свинине картошечки, плавающей в жире. И, как ни странно, тоже завалился. Ведь красота же, когда есть возможность полентяйничать, не всегда же изнурять себя мыслями и бесконечной работой. Хотя мысли были: о завтрашней встрече! Когда стемнело, включил уличную лампочку и долго ходил по пустынному порядку, как праздный дачник. После ужина мама приняла лекарства, улеглась, а мне не спалось от будоражащих мыслей.

В наступившем дне они были только о Незабудке. Я искал подходящий повод объяснить с мамой, но ничего не мог придумать, кроме поездки в баню. Тем более что наступила суббота — мужской день для посещений: очень убедительная причина. Понимая, что с Незабудкой предстоит чаепитие, хотел заранее запастись сладостями в нашем магазине, но благоразумно передумал, зная, что продавщица обязательно доложит, кому следует. Решил купить по пути. Когда же начал собирать смену белья, мама насторожилась.

— В баню хочу съездить — все тело чешется! — драматично пояснил я.

— Съезди, чего не съездить, а то коростой зарастешь... — нехотя согласилась она, не особенно веря в мое признание.

Легко пообедав, я поехал с таким расчетом, чтобы в сумерках быть у больницы — месте нашей встречи. Почему у больницы? Незабудка не захотела, чтобы машина «светилась» около ее дома.

Перед баней заехал в слободу в магазин, где вчера заметил десертный крымский портвейн, и начал покупки с этого напитка. Подавая бутылку, продавщица обтерла рукавом халата горлышко от пыли, извинилась:

— Дорогой, редко берут...

К портвейну я купил конфет, пряников, мармелада и взял курс на баню. Что ни говори, а в ней бывал редко, живя в городе, где всегда горячая вода, а здесь это не самое плохое занятие. Впрочем, недолго я обливался струями пронской воды. В парилку так и вовсе не пошел — не любитель, да и какой смысл доводить себя до изнеможения и попусту тратить силы.

И вот я подъехал к больнице, и у ворот появилась фигурка женщины. Она — Незабудка! Вышел, поздоровались. Поговорив, оставил машину недалеко от входа в отделение скорой помощи, и мы пошли под гору к частному дому, где они жила.

— Ты не подумай чего-то плохого, но машину будем оставлять в сто-

роне, а то подростки озоруют: увидят с чужими номерами — могут шины проколоть. А у «скорой» всю ночь разные машины мелькают, — пояснила она.

— Ох уж эти шкоды, нигде нет от них спасения! — усмехнулся я, поняв ее объяснение, наверное, не так, как ей хотелось.

Дальнейшее было ожидаемо. Привычный к многостраничным подробностям, я мог бы все это изложить с описанием интерьера, романтического портрета и поведения голубоглазой Незабудки — невысокой, ладной и опрятной, будто светившейся от чистоты и ухоженности, но зачем гасить вспыхнувшее читательское воображение. Чтобы совсем уж не скоплять чьи-то фантазии, скажу лишь о том, что если бы не надо возвращаться к маме, я бы и не уехал. Но в какой-то момент сорвался и помчался к ней, представив, как она переживает, не зная, где сын, и поэтому наверняка не спит. В этот момент меня никто не смог бы удержать, даже Незабудка. Все ей напоследок объяснил и поцеловал, расставаясь.

На часы взглянул, лишь подъезжая к дому: почти полночь! Вот это да! Как же будить маму в такой час, чтобы она открыла дверь? Но, подъехав, увидел в спальне неяркий свет, а когда, осветив фарами полдеревни, загонял машину в гараж, свет вспыхнул во всем доме.

Мама встретила в двери веранды. Ничего не спросила, не стала укорять за долгое ожидание, лишь произнесла со значением:

— Мя-у-у...

Я не понял ее, а она дважды повторила:

— Мя-у-у, мя-у-у — котик нагулялся!

Как тут удержаться от смеха.

В доме она ничего не стала расспрашивать, лишь сказала:

— Ужин на плите... — и пошла спать.

Уснула быстро, а я ворочался и ворочался, вспоминая сегодняшний вечер, показавшимся теплым, сладким, запоминающимся. Давно не выдавалось такого. Думаю, и Незабудка радовалась неожиданному приключению. Поэтому очень не хотела меня отпускать, но, вняв доводам, проявила капризность: «Утром буду ждать! А то потом мама дочку привезет — не разгуляешься».

Наступившей ночью я будто и не спал. А проснувшись утром, вскочил и не завтракая, чем немало удивил матушку, ехидно спросившую: «Опять, что ли, в баню?», выскочил из дома. Ничего не стал объяснять, да и чего молоть языком, когда еще вчера она все поняла.

Вернулся от Незабудки, когда день заканчивался. Сразу натаскал из колодца воды, дров из дровяника. Хотел инициативой замаслить матушку, выглядевшей насупленно. Когда разделся, она все-таки спросила:

— Обедать-то будешь или в гостях похарчился?

— Буду, мам, буду! Все, что есть в печи, на стол мечи!

Пообедав, отправился на диван — любимый предмет домашнего интерьера. Мама сперва не тревожила, а потом все-таки не утерпела и спросила:

— Завтра-то опять поедешь?

— Не, ма, буду книгой, как ты говоришь, заниматься. До следующей банной субботы.

— Ну и хорошо! Подольше поживешь, хотя теперь тебе не до меня, — смирилась она, радуясь, что пока не собираюсь в Москву, а со мной, как давно понял, ей спокойно.

Какое-то время мама ходила из спальни в кухню и обратно, словно хотела что-то спросить, да не решалась. И все-таки подошла.

— Вот о чем хотела узнать-то...  
— О чем? — засыпая, переспросил я.  
— О Лене... Что скажешь-то ей, когда приедешь?  
— Ничего не скажу... Ушел я от нее. Вернее — она сама вытурила.  
— И правильно сделала. Уж сколько лет ей голову кружишь. А чего добился?

— Мам, да не добивался я ничего. У нее своя жизнь, у меня своя. Не для того с женой развелся, чтобы теперь потакать женским прихотям! Не устраиваю — до свидания. Все, вопрос закрыт!

— Ведь так и протеряться можно. Устареешь, кому будешь нужен?! — укорила она, но я не ответил.

## НОВОГОДЬЕ

«Выяснив отношения», мама сникла, а я после короткого разговора проспал без сновидений до утра, а после завтрака положил рукопись перед собой, зарядил машинку бумагой на тот случай, если придется менять уж слишком вымаранные страницы, и начал вычитывать. Это совсем другая работа, отличная от работы над черновым вариантом. Редактирование всегда доставляет удовольствие возможностью проявить вдохновение поиском незаезженных слов, стилистических оборотов. Ведь это такая радость: что-то убрать, что-то дописать или перестроить предложение, добиваясь четкого звучания; когда же читаешь вслух, то все огрехи проявляются, будто сами по себе. Это ли не счастье — услышать их и исправить! За месяц вполне по силам справиться с этой работой, а потом поеду в Москву. Пообщаюсь с сыном, отдам рукопись машинистке и буду пристраивать роман в какое-нибудь издательство, пробежусь по редакциям журналов с рассказами, побываю на творческих вечерах, встречусь с товарищами. После чего вернусь в Княжую, чтобы не оставлять маму надолго. Пока не до конца было понятно, как это будет происходить, многое будет зависеть от обстоятельств, но все сделаю для того, чтобы скрасить ее одиночество.

Подогрев себя мыслями, я читал страницу за страницей, вносил правку, а возникавшие вопросы записывал на отдельном листочке, чтобы потом побывать в районной библиотеке и покопаться в книгах, уточнить возникшие вопросы. Неделя за чтением пролетела незаметно, и вот уж банный день на носу. Мама в пятницу отказалась ехать в баню, зато я заранее сообщил о своих субботних планах. Она ничего не сказала, ничем не упрекнула, видимо, зная, что отговаривать от поездки бесполезно. Собираясь, предупредил, чтобы она закрылась и спокойно спала до утра.

— Мам, уж ночку-то побудешь без меня?! — спросил я, извиняясь.

— Езжай-езжай, все равно ведь не удержу.

И я помчался в Пронск, прихватив кое-чего к столу. Встретился с Незабудкой, и повторилась недавняя история, с той лишь разницей, что теперь она выглядела прелестнее и казалась слаще, чем неделю назад. Любовался ею, что-то ласково говорившей и мило улыбавшейся, и мог улыбаться в ответ бесконечно.

Когда собрался следующим днем домой, зашел разговор о встрече Нового года:

— Надеюсь, что вместе будем? — спросил я.

— Я бы рада, но не получится. На днях сестра приезжает с мужем и детьми — все соберемся у мамы.

— Мама — это святое, — согласился я неопределенно, не зная, что еще сказать.

С этой неопределенностью, не особо радостной, и уехал. И все бы ничего, но когда вернулся, моя Надежда Васильевна неожиданно спросила, будто знала о моем разговоре с Незабудкой:

— Где будешь Новый год-то встречать?

Поэтому поспешил обрадовать:

— Вместе, мам, встретим!

— И даже в баню не поедешь?

— Не, мам! Разве тебе плохо со мной?

— Мне-то хорошо, да только тебе скучно будет.

— А ты не думай обо мне. Ведь сама говорила: «Мать у сына одна, а жен может быть много!»

Довод оказался беспроегрешным, и я сменил тему разговора, словно убедился, что никак не могу повлиять на сложившийся ход событий, а если это выше моих сил, то и не стоит противиться им.

Через день, не желая попусту терять время, поехал в библиотеку — снять накопившиеся вопросы по рукописи. Часа три провел за толстенными томами, вчитываясь в историю минувшей войны, делая записи в блокноте. Даже спина заныла, хотя накрылся шубейкой, опасаясь подмерзнуть в прохладном читальном зале. Вскоре попрощался, поздравил библиотекарей с наступающим Новым годом.

Если в библиотеку ехал переулками, то обратно — центральной Первомайской улицей. В какой-то момент была мысль заглянуть к Незабудке, но сразу же, пытаясь заглушить в себе обиду, подумал: «Что ей скажу, чем обрадую? Ведь все решили: она сама по себе, я сам по себе!» Собрался просквозить мимо, но остановился, увидев, что здание универмага огорожено, стекла в нем закопчены и полопались. Остановился.

— Никто не пострадал? — спросил у двух женщин, что-то обсуждавших, вспомнив знакомую.

— Ночью горело... Слава Богу, никто!

Вернувшись в Княжую, рассказал о пожаре маме. Она сразу всколыхнулась:

— А я же вещи сдала в комиссионный?! Все сгорело теперь?

— Тебе-то какая разница: сгорели или нет. Еще неизвестно, купили бы их, а если сгорели — без проблем деньги получишь. Квитанция-то цела?

— А как же. В серванте лежит.

— Ну и не думай об этом. После праздников разберемся.

Накануне Нового года мною были забыты волнения последних дней, и я почувствовал себя иным человеком, начал готовиться к празднику: срезал веточку у елки и поставил в банке на столе в зале, сходил в магазин, купил конфет, пряников, бутылку настойки. К вечеру с мамой настроголи салата, картошечку пожарили, ну и разносолов из погреба подняли. В привычное время мама приняла таблетки и легла полежать, попросив толкнуть перед полночью. Я пообещал, и какое-то время сидел за рукописью, коротая время. В половине двенадцатого подошел к маме, хотел разбудить, но чувствуя, как она крепко спит, не решился.

Сел за стол, выпил рюмку за старый год, потом, после новогоднего поздравления и боя курантов, за новый. Вскоре выключил телевизор и вышел на улицу, подумав, что мама может проснуться от шумного телевизионного веселья и тогда станет стыдно за неумение сохранить ее покой. Ведь теперь я обязан быть ответственным, если выпало счастье находиться рядом и за-

ботиться о ней. Это прежде легко приезжал и уезжал, будто мамина жизнь протекала сама собой. Теперь все изменилось, и я знал, что без меня она превратится в заброшенного и несчастного человека, а редкие письма лишь обострят нескончаемое ожидание, когда не с кем словечком обмолвиться и в глаза посмотреть некому. Будет милая матушка томиться и разрывать сердце ожиданием неопределенного дня, когда соизволю навестить.

На дальнем порядке шумела компания, а у нас тишина и уют. Мне казалось, что я всегда буду остерегать покой мамы, как преданный стражник. От этого стало тепло на душе, спокойно.

Нагулявшись, осторожно вернулся, послушал, как она дышит, и устроился спать с легкой совестью.

Утром увидел маму печальной.

— Что случилось?

— Почему же не разбудил-то меня?

— Ты так хорошо спала, что не решился потревожить.

— Нет, не годится это, парень! Совсем из меня эгоистку сделал. Где это видано, чтобы молодой человек от одиночества тосковал в новогоднюю ночь? Я знаю, кто в этом виноват. Я и виновата. Так что собирайся домой. Тебя сын ждет не дождется, да и Лена осталась неприкаянной. Глядишь, не все потеряно. А мне совестно держать тебя на привязи. Помог в трудную минуту, не бросил — спасибо!

— Как же обходиться-то будешь? Одна, зимой?

— А что мне поделается? Кого бояться? Лампочка ночами горит, день начал прибавляться — скоро весна, грядки — новая жизнь закружится. Будет скучно, Маню позову. Пусть живет до твоего приезда. Ведь ненадолго же уезжаешь, ведь так?

— Мам, как я могу?

— Вот и хорошо. Ты ведь желанный. Не переживай. Будет и у тебя праздник!

Я обнял ее и не знал, что сказать. Она приняла молчание за согласие и подсказала:

— Сегодня отдохни, а завтра отправляйся с Божией помощью!

Моя душа в этот момент будто раскололась надвое, но возразить я не мог и принялся готовиться к отъезду. Из сарая перетаскал на заднюю веранду ворох дров, водой заполнил свободные посудины. На следующий день, когда начал сборы, мама вынесла к машине тяжелый ломоть ветчины, завернутый в наволочку:

— Возьми своим. Как без подарка явишься?!

— Много!

— Бери-бери — большому куску рот радуется. А теперь присядем на дорожку.

— Мам, всегда с тобой буду! — сказал я на лавочке перед палисадником и почувствовал, как сжалась душа, и дыхание перехватило, и не было сил посмотреть в ее печальные глаза, словно, уезжая, совершал что-то невозможно постыдное.

Она перекрестила меня, и через минуту я был за рулем, осторожно выехал за деревню. Пробиваясь через змеиные полосы поземки и снежные переметы на шоссе, засветло успел добраться до Рязани. Я уезжал, чтобы возвратиться, но все равно за Рязанью навалилась тоска, захотелось обнять маму, быть с ней рядом и никогда-никогда не расставаться, но машина уносила меня все дальше и дальше.